
ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

“ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ”: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО-КИТАЙСКИ

© 2018 г. И. Чубаров, Д. Калашников

ЧУБАРОВ Илья Георгиевич, кандидат географических наук.

Институт Дальнего Востока РАН, РФ, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, 32;

Институт географии РАН, РФ, 119017 Москва, Старомонетный пер., 29 (ilya.chubarov@gmail.com).

КАЛАШНИКОВ Денис Борисович, преподаватель.

МГИМО Университет МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (kalashnikov_d@yahoo.com).

Статья поступила в редакцию 10.07.2017.

На основе концепций формирования глобальных цепочек стоимости (ГЦС) и модели “центр–периферия” в мировом хозяйстве исследуется влияние китайской инициативы “Один пояс и один путь” на ход экономической глобализации. Собранные данные (о падении производительности труда за рубежом филиалов ТНК, возникновении новых международных инвестиционных каналов, интернационализации юаня, массовой подготовке зарубежных кадров, оппонировании торговому протекционизму и появлении концепции “инклюзивной глобализации”) свидетельствуют о стремлении Китая переформатировать глобальную экономику и войти в ядро мировой системы. Успех китайской “инклюзивной глобализации” зависит от того, насколько она будет способствовать решению накопленных проблем мирового развития с учетом интересов проживающего на периферии большинства человечества.

Ключевые слова: Китай, глобализация, “Один пояс – один путь”, Экономический пояс Шелкового пути, центр–периферия, глобальные цепочки стоимости, “инклюзивная глобализация”.

DOI:10.20542/0131-2227-2018-62-1-25-33

В 2013 г. Китай выдвинул инициативу “Один пояс – один путь” (*Belt and Road Initiative (BRI)*), целью которой является “установить более тесные связи между странами Азии, Европы и Африки и на новую историческую высоту поднять взаимовыгодное сотрудничество этих стран в новой форме” [1]. По оценкам китайских географов и экономистов, речь может идти о 40–65 развивающихся странах, расположенных “вдоль пояса и пути” [2]. При этом уже на первом “Форуме пояса и пути” в Пекине в 2017 г. приняли участие более 100 стран. Ясно, что, несмотря на конкретные исторические и географические отсылки в названии, формальных ограничений к участию для стран других частей света нет. Также все более расплывчатыми становятся различия между двумя заявленными составляющими *BRI* – континентальным Экономическим поясом Шелкового пути (ЭПШП) и океаническим Морским Шелковым путем XXI века [3].

Инициатива “пояс и путь” фактически вобрала в себя всю внешнеэкономическую повестку китайской дипломатии и значительную часть внешнеполитической. Ее изучение стало важным направлением современного китаеведения. В многочисленных публикациях анализируются приоритеты в налаживании двусторонних отношений,

разработке региональных и отраслевых проектов сотрудничества. По мнению китайских исследователей, выдвижение “большой стратегии” означает переход от пассивного участия Китая в глобализации к активному влиянию на нее [4]. В статье сделана попытка раскрыть содержание проекта “пояс и путь” с использованием подхода “центр–периферия” и таким образом проследить контуры предлагаемой Китаем “инклюзивной” глобализации.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СТОИМОСТИ И ЯДРО МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

В ставших классическими работах И. Валлерстайна, А. Г. Франка, Д. Арриги и др. сделан вывод о формировании к настоящему времени единой капиталистической системы, в рамках которой в зависимости от уровня жизни, сложившихся исторических и политических связей, а также места в производственных, технологических, финансовых и информационно-идеологических потоках мировое хозяйство делится на центр (ядро), полупериферию и периферию. Общеизвестного перечня стран ядра не существует, однако можно с достаточной точностью относить к нему развитые страны, а к полупериферии и периферии – развивающиеся и наименее

развитые. Положение страны в мировом хозяйстве определяется соотношением центральных и периферийных звеньев в ее экономике, а значит, легко представимо через глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦС) [5].

Каждая такая цепочка – это инициированная производителем либо продавцом последовательность расположенных в разных странах стадий производственного цикла товара или услуги [6]. ГЦС может быть вертикально интегрированной и целиком принадлежать одной организации (около 1/3 всей мировой торговли имеет внутрифирменный характер) либо с помощью аутсорсинга распределяться по неограниченно большому числу независимых подрядчиков. Каждое из этих промежуточных звеньев может быть расположено в отдельной стране, принадлежать национальному, транснациональному или офшорному капиталу, иметь акционерную или иную форму собственности. Три десятилетия глобализации привели к доминированию ГЦС в мировой экономике, поэтому продвижение отдельных отраслей и фирм “вверх” по ГЦС приближает всю национальную экономику к центру мир-системы [7].

КНР обычно относят к полупериферии мирового хозяйства с поправкой на значительную межрегиональную дифференциацию [8]. Отнести ее к ядру пока не позволяют невысокие подушевые показатели, незначительное число собственных потребительских ТНК и сильных брендов, а также значительное социальное расслоение и проблемы с экологией [9]. В 2012 г. на 18-м съезде КПК была провозглашена цель поднять к 2049 г. (столетию образования КНР) благосостояние граждан до уровня развитых стран, стать мировым экономическим и инновационным лидером. Фактически, это будет означать переход из полупериферии в центр мирового хозяйства.

История уже знает примеры успешных трансформаций, когда полупериферийные страны, реализовав свои конкурентные преимущества, преодолевали разрыв со странами ядра по уровню жизни, промышленному потенциалу и месту на рынке капитала (феномен Японии и НИС). Успех экспортно ориентированных стратегий относительно небольших и политически лояльных США азиатских стран базировался главным образом на передаче технологий, допуске их продукции на крупнейшие рынки и прямой финансовой помощи в специфических исторических условиях [10].

Сейчас же в ядро мирового хозяйства впервые стремится войти крупное и политически независимое государство. Реализация этой задачи невозможна ни при опоре исключительно на собственные ресурсы, ни при сохранении роли мировой “сборочной фабрики”, обслуживающей развитые страны. Для дальнейшего роста китайская экономика должна избавиться от производств с малой добавленной стоимостью и передать их

(не утратив контроля) в менее развитые страны, продвигать свои ТНК в более прибыльные “верхние” сегменты отраслей [11]. Однако большинство ГЦС уже монополизированы странами ядра, владеющими ключевыми технологиями и наиболее ценными брендами. Это результат предыдущего этапа глобализации, который, по существу, привел к “триадизации” (преобладанию США, Западной Европы, Японии) [12, с. 38]. Не случайно современную глобальную экономику, несмотря на ее широкую географию, нередко рассматривают лишь как “вторую экономику” стран Центра.

В последние десятилетия за счет привлечения западных ТНК и модернизации гигантов тяжелой индустрии времен плановой экономики Китай успешно встроился в нижние и средние этажи ГЦС почти во всех промышленных отраслях, став настоящей “мастерской мира”. Внешнеторговый оборот страны за 1978–2016 гг. увеличился с 20 млн долл. до почти 4 млрд долл. (первое место в мире), при этом удалось постепенно уйти от доминирования в экспорте компаний с иностранным капиталом. Их доля опустилась ниже 50%, а уровень локализации производства постепенно растет [13, 14]. Однако этого явно недостаточно – при расчете объема экспорта по добавленной стоимости Китай по-прежнему уступает США и ФРГ, а доля импортных комплектующих в электронике достигает 75% [15]. Продвижение вверх по ГЦС с одновременной локализацией сложных производств стало целью программы *Made in China-2025*. Ход ее реализации и изменение положения страны в ГЦС постоянно отслеживаются министерством коммерции, таможенным, статистическим управлением и управлением валютного контроля [16, 17].

Перераспределение прибыли в пользу китайских фирм позволило им начать зарубежную экспансию [18]. Под эгидой “пояса и пути” Китай разворачивает масштабную индустриализацию полупериферийных и периферийных стран, причем во многих из них обрабатывающая промышленность создается фактически с нуля в агроиндустриальных парках и специальных зонах производственного сотрудничества [19]. За 2000–2016 гг. доля КНР в мировых накопленных ПИИ выросла с 0.4 до 4.8%, а их общий объем превысил 1.2 трлн долл. [20]. Согласно официальным оценкам, китайские инвестиции за рубеж в 2015–2020 гг. должны увеличиться еще как минимум на 500 млрд долл. [21] (по другим данным – на 1.6 трлн долл. [22]), а общий объем иностранных активов под китайским контролем возрастет с нынешних 6.5 до примерно 20 трлн долл. [23]. Ужесточение регулирования вывоза инвестиций в 2017 г. фактически не затронуло страны “пояса и пути” – объем совершенных сделок по полной или частичной покупке компаний и активов из этих стран за первое полугодие превысил показатели за весь 2016 г. (33 млрд долл. против 31) [24].

Таблица 1. Динамика основных показателей зарубежной операционной деятельности крупнейших нефинансовых ТНК Китая и мира в 2011–2015 гг., % (2011 г. = 100)

	Китай		Мир	
	индекс роста	среднегодовой темп прироста	индекс роста	среднегодовой темп прироста
Выручка	113.3	3.2	78.9	–5.7
Численность занятых	159.0	12.3	102.1	0.5
Активы	168.3	13.9	97.9	–0.5
Фондовооруженность	110.3	2.5	96.1	–1.0
Фондоотдача	66.7	–9.6	78.4	–5.9
Производительность труда	73.5	–7.4	75.3	–6.9

Источник: рассчитано по данным: [27, 28].

В рамках “пояса и пути” Китай намерен активизировать участие своих ТНК на всех этапах модернизации экономики партнеров – от проектирования и строительства до концессии или управления построенными объектами. По оценкам экспертов, “связанные”, то есть предполагающие покупку китайских товаров и услуг, кредиты составляют не менее 70% от всех выданных Китаем [25]. Опираясь на свои конкурентные преимущества в ряде отраслей, КНР предлагает странам периферии дешевые кредитные линии с целью продвижения своих ТНК на местный рынок. При строительстве объекта силами китайского подрядчика с привлечением китайского же финансирования деньги могут вообще не покидать пределы Китая, а значит, их отраслевой экономический эффект близок к эффектам от реализации внутренних проектов. Расположенный за границей объект способствует продвижению китайской фирмы вверх по ГЦС к управлению иностранными активами, а выгоды принимающей страны аналогичны притоку ПИИ. По оценкам китайских экспертов, работа 56 совместных промышленных и агропромышленных парков в 20 странах “пояса и пути” уже принесла этим странам 1.1 млрд долл. налоговых поступлений и 180 тыс. новых рабочих мест [26].

Наглядное представление об усилении роли китайских ТНК в мировой экономике дает факторный анализ производительности труда (ПТ), рассматривающий ее как произведение фондовооруженности (ФВ) на фондоотдачу (ФО). Тем самым оцениваются потенциальные возможности страны (предприятия) с учетом влияния технического прогресса и сдвигов в отраслевой структуре. ФО отражает эффективность использования имеющихся производственных фондов и персонала и в конечном итоге характеризует реальное состояние рынков. При этом для анализа интерес представляют не абсолютные значения, а динамика роста ПТ и взаимосвязанных показателей.

Проведенные расчеты показателей ПТ, ФВ и ФО 55 китайских и 71 мировых нефинансовых ТНК, не покидавших списки 100 крупнейших с 2011 по 2016 гг. (табл. 1), свидетельствуют, что за этот период зарубежное производство китайских компаний выросло на 13%, в то время как у мировых ТНК оно снизилось на 21%.

Продажи зарубежных филиалов крупнейших ТНК мира упали на 21%, а производительность труда снизилась на 25%, что свидетельствует о неполном использовании имеющихся трудовых ресурсов и недогрузке производственных мощностей [29]. Что касается крупнейших ТНК Китая, то в таких секторах, как, например, телекоммуникации, электроника и производство компьютеров, наблюдалась отрицательная динамика ФО. Приобретение китайскими ТНК высокотехнологичных западных компаний не гарантирует получения этими компаниями того же места в сложившихся ГЦС, которое они занимали до прихода китайских инвесторов. Для продолжения роста необходим не просто выход на западные рынки, как это предусматривалось предыдущей стратегией “идти вовне”, а создание собственных ГЦС в менее развитых странах.

КОНТУРЫ НОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Масштаб целей и сложный характер отношений с нынешними экономическими лидерами заставляет Китай перестраивать под себя важнейшие институты мирового развития. С этой целью в рамках *BRI* определены пять приоритетных направлений сотрудничества [1], каждое из которых является инструментом по продвижению Китая “вверх” по ГЦС в центр мирового хозяйства.

1. Политическая координация (*чжэнцэ гоутун*) – поддержка китайских ТНК при выходе на зарубежные

рынки через механизмы двусторонних межправительственных связей.

2. Взаимосвязь инфраструктуры (*шэши лянштун*) – снятие инфраструктурных ограничений для переноса производства из Китая в развивающиеся страны, выход за рубеж конкурентоспособных китайских строительных корпораций, закрепление на рынках полу/периферийных стран через связанные кредиты, географическая диверсификация маршрутов торговли.

3. Бесперебойная торговля (*маои чантун*) – снижение пошлин на зарубежных рынках, снятие ограничений для китайских инвестиций, борьба с протекционизмом.

4. Свободное передвижение капитала (*цзыцзинь жунтун*) – создание альтернативной инфраструктуры для предоставления независимого проектного и политического финансирования.

5. Укрепление близости между народами (*миньсинь сянтун*) – подготовка кадрового резерва и общественного мнения для осуществления зарубежных проектов китайских ТНК.

Рассмотрим более подробно два последних направления.

Формирование финансовой инфраструктуры. Для полноценного участия в мирохозяйственных связях Китая необходимо изменение мировой валютно-финансовой инфраструктуры [30]. Направленная трансформация потребует решения целого комплекса задач, где приоритет сегодня отдается созданию каналов международного финансирования и повышению статуса китайской национальной валюты.

Одним из главных преимуществ стран центра остается возможность контроля финансирования по линии международных организаций. Китай же последовательно выступает за увеличение в них квоты развивающихся стран. Сегодня доля КНР в мировом ВВП уже превысила 15%, но доля его голосов в МВФ в 2016 г. выросла лишь до 6.41% и уступает США (17.46%) и Японии (6.48%). Во Всемирном банке (МБРР) она составляет 4.57% против 16.39% у США и 7.07% у Японии [31, 32]. Важным фактором преодоления указанного неравенства может стать и уже стало создание новых каналов финансирования.

По инициативе Китая созданы две новые крупные межгосударственные финансовые организации – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций со штаб-квартирой в Пекине (уставный капитал 100 млрд долл., доля КНР 26.06%) и Новый банк развития со штаб-квартирой в Шанхае (уставный капитал 50 млрд, доля КНР 20%).

Китай также наращивает зарубежный инвестиционный портфель своих “политических” банков

и суверенного фонда. С 2013 г. Государственный банк развития (ГБР) и Экспортно-импортный банк Китая предоставили более 110 млрд долл. кредитов для реализации более чем 1200 проектов в странах “пояса и пути” [33]. Общий же объем зарубежных займов ГБР еще в 2015 г. превысил 320 млрд долл. [34]. Специально для осуществления зарубежных проектов создан Фонд Шелкового пути (уставный капитал 40 млрд долл.).

Национальный суверенный фонд (Китайская инвестиционная корпорация, *CIC*) и его предшественник – первый суверенный фонд (Инвестиционная компания Государственного управления валютного контроля, *SAFE Investment Company*) владеют активами стоимостью свыше 650 млрд долл. (включая внутрикитайские), а также создают инвестиционные фонды для работы с отдельными странами. Например, Российско-китайский инвестиционный фонд распоряжается капиталом 2 млрд долл. в равных долях от РФ и КНР, совместный инвестиционный фонд с Бразилией, как ожидается, будет распоряжаться 20 млрд. [35] и т.д. По оценкам, объем капитала, который Китай реализует на внешних рынках через свои институты развития, уже превысил аналогичные показатели МВФ и Всемирного банка [36]. Специальные фонды для инвестиций в страны “пояса и пути” создают четыре крупнейших коммерческих госбанка, общий объем привлеченных ими средств оценивается в 20–30 млрд долл. [37].

Параллельно с развитием своих каналов международного финансирования, Китай прилагает усилия для интернационализации юаня, что может на порядок увеличить возможности китайских ТНК за рубежом. Главным препятствием к этому пока по-прежнему остается отсутствие свободной конвертации юаня, к которой страна еще не готова [30, с. 26]. Для усиления позиций на рынке финансовых услуг Китай развивает “глобальные города” и создает зоны свободной торговли, однако эффект от них пока ограничен [38]. Тем не менее с 2016 г. юань был включен в корзину специальных прав заимствования МВФ, а его доля в международных операциях за последние три года удвоилась и сегодня составляет почти 1.5% всех расчетов в системе *SWIFT* [39, 40].

Чтобы иностранные банки могли кредитовать клиентов в юанях, Китай заключает соглашения о валютных свопах. В 2016 г. такие соглашения имелись с 36 странами на общую сумму 3.5 трлн юаней. Если валютные свопы представляют собой симметричный обмен валют на равные суммы, то соглашения о создании клиринговых центров означают переход на следующий уровень интернационализации юаня, когда стороны принимают обязательства по зачету взаимных требований в национальных валютах.

Таблица 2. Подготовка иностранных учащихся в КНР и за рубежом

Регион	Прошедшие обучение в КНР в 2005–2014 гг., тыс. чел.	Учащиеся в 2015 г., тыс. чел.	Институты Конфуция, шт.	Классы Конфуция, шт.
Америка, всего	270	34.9	161	554
в том числе США	200	22.0	110	501
Австралия и Океания	34	6.0	18	99
Азия, всего	1700	240.2	115	100
в том числе Республика Корея	620	66.7	23	13
Европа, всего	410	66.7	170	293
в том числе Россия	110	16.2	17	5
Африка	180	49.8	48	27
Мир в целом	2594	397.6	512	1073

Источник: составлено по данным: [45, 46, 48].

Пекин заключил уже 23 таких соглашения и в дополнение к этому в 2015 г. запустил межбанковскую платежную систему *CIPS (Cross-Border Interbank Payment System)*, где участвуют 11 иностранных банков [41, 42].

Важным шагом в усилении экономического влияния Китая стало развитие платежных систем *UnionPay, AliPay* и *WeChatPay* как альтернативы *Visa* и *MasterCard* в развивающихся странах [43, 44], а также создание международных рейтинговых агентств (*Chengxin Credit Ratings, Lianhe Credit Rating* и *Dagong Global Credit*) и выход китайских банков за рубеж. К концу 2016 г. в общей сложности 9 банков с китайским капиталом открыли 62 филиала в 26 странах “пояса и пути”.

Приведенные факты свидетельствуют о последовательном курсе Китая на формирование “полного цикла” собственной международной финансовой инфраструктуры с целью создания условий для успешного выхода своих частных и государственных компаний на зарубежные рынки.

Формирование гуманитарной инфраструктуры. Привлекая значительные финансовые ресурсы, Китай предпринимает шаги по созданию и поддержанию своего положительного образа за рубежом. Целью наращивания “мягкой силы” является повышение эффективности внешнеэкономической деятельности, для чего требуются квалифицированные переводчики, а также владеющие языком партнера и понимающие стиль ведения дел в Китае специалисты различного профиля.

Благодаря государственной поддержке настоящий прорыв произошел в сфере образования для иностранцев. За 2005–2014 гг. число иностранных учащихся в КНР утроилось, благодаря чему страна вышла на третье место в мире по этому показателю после США и Великобритании. Быстрее всего, на

26% в год, росло число учащихся из Африки; число учащихся из Казахстана увеличилось более чем в 15 раз, обучающихся из Пакистана стало больше в 7 раз, из Таиланда – в 6 раз, из Индии – в 4 раза, из Индонезии – в 3 раза, при этом практически не росло число студентов из развитых стран [45]. В конце 2015 г. в Китае более чем в 800 учебных заведениях обучалось 398 тыс. иностранцев, $\frac{3}{4}$ из них приехали из стран полупериферии и периферии (табл. 2).

За три десятилетия образование для иностранцев продвигалось от преподавания китайского языка и культуры к расширению доли неязыковых специальностей. Для привлечения иностранных студентов увеличивалось число стипендий и курсов на английском языке, заключались межправительственные соглашения о признании дипломов [47]. Более 40 тыс. студентов ежегодно сегодня обучаются за счет правительства КНР (рост в 5.5 раз за 10 лет) и еще столько же, если не больше (точной статистики нет) – в рамках квот провинций или городов. Широко распространены бесплатные стажировки для иностранных научно-педагогических работников и курсы повышения квалификации иностранцев – преподавателей китайского языка. За границей для продвижения китайского языка и культуры созданы 512 Институтов Конфуция (в вузах) и 1073 классов Конфуция (в школах) [48]. Таким образом, китайское государство системно и последовательно инвестирует в зарубежный “кадровый резерв” для совместных проектов, причем приоритет отдается развивающимся странам.

“ИНКЛЮЗИВНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ”

Вхождение Китая в центр мирового хозяйства вряд ли возможно без соответствующего идеологического сопровождения. Фактически отойдя от

классовой идеологии внутри страны, руководство КНР настороженно относится к марксистским и антиглобалистским альтернативам и на международной арене. Не обрела официального статуса в КНР широко известная за рубежом концепция “Пекинского консенсуса” [49]. Китай “...не может и не ставит цели предложить миру иную модель развития, кроме рыночной экономики в условиях углубляющегося вовлечения стран в глобализацию” [50, с. 61]. Однако ход и результат этого процесса в настоящее время далеки от идеального.

В качестве альтернативы неолиберальной глобализации последних десятилетий, приведшей к росту глобального неравенства, китайские экономисты выдвигают концепцию “инклюзивной глобализации” (*баожунсин цюаньцюхуа*) [51]. Она основывается на нескольких основных постулатах:

– плодами глобализации могут воспользоваться лишь те страны, которые совмещают механизмы свободного рынка и государственного регулирования (“работа обеими руками”: “невидимой” рыночной и “видимой” государственной);

– нет универсальных рецептов развития, страны имеют право на поиск своего экономического пути, в процессе глобализации должна учитываться национальная специфика и традиционные формы хозяйствования, что позитивно воспринимается в развивающихся странах;

– реализация взаимовыгодных проектов должна осуществляться путем равноправных консультаций при неукоснительном соблюдении правила невмешательства в чужие дела и внутреннюю политику;

– соблюдение принципа “гармонии в разнообразии”, когда экономическое сотрудничество сопровождается выгодными для партнеров гуманитарными, культурными и общественными обменами.

Критикуя нынешний этап глобализации, Китай вместе с тем “успешно приспособился к американской модели глобализации, он не заинтересован в дроблении и кластеризации единого мирового рынка” [52, с. 21]. Руководители КНР обеспокоены отходом США от принципов свободной торговли и появлением признаков “протекционистского поворота” [21; 53]. Изменение внешнеэкономических приоритетов США при Д. Трампе делает КНР чуть ли не главным защитником торгового либерализма. Так, темой экономического форума в Боао в марте 2017 г. стала “глобализация и свобода торговли”, где *BRI* был прямо назван “китайским вариантом защиты мировой экономической системы открытого типа” [54]. Пекин предпочитает не идти на идеологическую конфронтацию, а скорее “обходить” существующий международный экономический

порядок, выстраивая свой “параллельный” мир [55].

Китай осознает порожденные экономической глобализацией проблемы, но альтернативы ей не видит, считая, что процесс глобализации надо лишь сделать лучше и справедливее по аналогии с преодолением бедности в Китае, где удалось добиться заметных успехов, в том числе через строительство инфраструктуры и активное участие в мировой торговле. Появление концепции “инклюзивной глобализации” лишь частично устраняет идеологическую размытость *BRI*. Потребуется значительное время, чтобы отстаиваемые положения приобрели завершенность и достигли степени убедительности западного экономического либерализма.

* * *

Перспективы развития китайской экономики связаны в первую очередь с усилением ее интеграции с менее развитыми экономиками в целях более полной реализации уже достигнутых сравнительных преимуществ. Проект “Один пояс – один путь” – важный этап на пути возможного вхождения КНР в ядро мирового хозяйства к середине XXI в. Успешная работа по пяти главным направлениям *BRI* обеспечит встраивание китайских ТНК в уже сложившиеся мировые производственные цепочки и позволит создать новые, которые плотно свяжут Китай с полупериферией и периферией. Инициированная Поднебесной волна индустриализации развивающегося мира только зарождается, но в перспективе может радикально изменить пространственную организацию многих отраслей. Необходимое условие для этого – наличие собственной финансовой и кадровой инфраструктуры, в создание которой Китай активно инвестирует последние годы.

Пекин предлагает миру “инклюзивную” экономическую глобализацию, которая должна обеспечить рост уровня жизни и сократить имущественные контрасты. Согласно кейнсианской логике, это не благотворительность, а расчет, связанный с ожиданиями повышения емкости мирового рынка и роста спроса на китайские товары и услуги. От того, насколько Китаю удастся найти баланс между своими экономическими интересами и интересами других развивающихся стран, зависят успешность *BRI* и в конечном итоге возможность осуществления поставленной мегацели.

Исследование проведено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых ученых – кандидатов наук № МК-2007.2017.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road*. Available at: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (accessed 05.05.2017).
2. Dong Suocheng, Cheng Hao, Guo Peng, Li Fujia, Li Yu, Li Zehong, Zhang Xiaoxiao. Transportation Industry Patterns and Strategy of the Belt and Road. *Bulletin of Chinese Academy of Sciences* (In Chinese), 2016, vol. 31, no 6, pp. 663-668. DOI:10.16418/j.issn.1000-3045.2016.06.003
3. Денисов И. Е. Поднебесная смотрит на Запад. *Контуры глобальных трансформаций*, 2016, № 6 (51), сс. 20-40. [Denisov I. E. Podnebesnaya smotrit na Zapad [The Celestial Empire looks West]. *Kontury global'nykh transformatsii*, 2016, no. 6 (51), pp. 20-40.] DOI:10.23932/2542-0240-2016-9-6-20-40
4. 刘卫东. “一带一路” 战略的认识误区. [Misunderstandings of BRI (In Chinese)]. *Journal of Chinese Academy of Government*, 2016, no. 1, pp. 30-34.
5. Bair J. Commodity Chains in and of the World-System. *Journal of World-System Research*, 2014, vol. 20. no. 1, pp. 1-10.
6. Кондратьев В. Б. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 3, сс. 5-17. [Kondrat'ev V. B. Mirovaya ekonomika kak sistema global'nykh tsepochek stoimosti [World Economy as Global Value Chain Network]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 3, pp. 5-17.]
7. *OECD-WTO Database on Trade in Value Added*. Available at: http://www.oecd.org/sti/ind/TIVA_stats%20flyer_ENG.pdf (accessed 01.05.2017)
8. Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. “Китайское экономическое чудо” в мирохозяйственном измерении. *Региональные исследования*, 2016, № 3 (53), сс. 149-157. [Samburova E. N., Mironenko K. V. “Kitaiskoe ekonomicheskoe chudo” v mirokhozyaistvennom izmerenii [Chinese Economic Miracle in the Context of the World Economy]. *Regional'nye issledovaniya*, 2016, no. 3, pp. 149-157.]
9. Ruvalcaba D. E. M. Inside the BRICS: Analysis of the Semiperipheral Character of the Brazil, Russia, India and China. *Austral: Brazilian Journal of Strategy and International Relations*, 2013, vol. 2, no. 4, pp. 141-173.
10. Yeung H. W. C. Rethinking the East Asian Developmental State in its Historical Context: Finance, Geopolitics and Bureaucracy. *Area Development and Policy*, 2017, no. 2(1), pp. 1-23. DOI:10.1080/23792949.2016.1264868
11. Chen Lurong, De Lombaerde P. China Moving up the Value Chain: What Can Be Learned from the Asian NICs? *International Area Studies Review*, 2013, no. 16(4), pp. 407-430. DOI:10.1177/2233865913507441
12. Мироненко Н. С., отв. ред. *География мирового хозяйства*. Москва, ТМИ, 2012. 352 с. [Mironenko N. S., ed. *Geografiya mirovogo khozyaistva* [Geography of World Economy]. Moskva, 2012. 352 p.]
13. *How Has China Moved-up the Global Value Chains?* Available at: <http://blogs.worldbank.org/developmenttalk/how-has-china-moved-global-value-chains>. (accessed 01.05.2017).
14. Колб О. Д. Оценка степени и “качества участия” стран в глобальных цепочках стоимости. *Белорусский экономический журнал*, 2016, № 4, сс. 50-62. [Kolb O. D. Otsenka stepeni i “kachestva uchastiya” stran v global'nykh tsepochkakh stoimosti [Assessment of the Extent and “Quality of Participation” Countries in Global Value Chains]. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 50-62.]
15. Лукьянов С. А., Драпкин И. М. Глобальные цепочки создания стоимости: эффекты для интегрирующейся экономики. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, том 61, № 4, сс. 16-25. [Luk'yanov S. A., Drapkin I. M. Global'nye tsepochniki sozdaniya stoimosti: efekty dlya integriruyushcheysya ekonomiki [Global Value Chain: Effects for Integrating Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 4, pp. 16-25.] DOI:10542/0131-2227-2017-61-4-16-25
16. Kennedy S. *Made in China 2025*. *Center for Strategic and International Studies*. Available at: <https://www.csis.org/analysis/made-china-2025> (accessed 06.05.2017).
17. *China Trade in Value Added*. Available at: <http://gvc.mofcom.gov.cn/en/> (accessed 06.05.2017).
18. Ноздрев С. Китай в системе мировых финансов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, том 60, № 10, сс. 29-40. [Nozdrev S. Kitai v sisteme mirovykh finansov [China in International Financial System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 10, pp. 29-40.] DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-10-29-40
19. Ethiopia Becomes China's China in Search for Cheap Labor. *Bloomberg*. 23.07.2014. Available at: <https://www.businessoffashion.com/articles/news-analysis/ethiopia-becomes-chinas-china-global-search-cheap-labour> (accessed 24.08.2017).
20. *World Investment Report*. Geneva, UNCTAD, 2017. Annex table 2. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (accessed 04.09.2017).
21. Chinese President's Speech at Boao Forum for Asia. *Xinhua*, 28.03.2015. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm (accessed 28.03.2017).
22. Is China the World's New Colonial Power? *The New York Times Magazine*, 02.05.2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/05/02/magazine/is-china-the-worlds-new-colonial-power.html> (accessed 05.05.2017).
23. China to Become One of World's Biggest Overseas Investors by 2020. *Financial Times*, 26.06.2015.
24. Belt and Road Acquisition Surge. *Global Times*, 17.08.2017. P. B2.

25. Шимов В.Н., Быков А.А. “Экономический пояс Шелкового пути” как транспортный маршрут и глобальный проект развития. *Белорусский экономический журнал*, 2016, № 2, сс. 4-14. [Shimov V.N., Bykov A.A. “Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti” kak transportnyi marshrut i global’nyi proekt razvitiya [Silk Road Economic Belt as Global Development Project]. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*, 2016, no. 2, pp. 4-14.]
26. Countdown to Belt and Road Forum, China Aims High for Shared Prosperity. *Xinhua*, 13.04.2017. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/2017-04/13/c_136206260.htm (accessed 01.05.2017)
27. *World Investment Reports 2011-2016*. Geneva, UNCTAD. Annex tables 24, 25. Available at: <http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (accessed 04.06.2017).
28. *中国跨国公司100大及跨国指数 [TOP-100 Chinese MNC and Index (In Chinese)]*, 2011–2016. Available at: <http://www.ccc-ccda.org.cn> (accessed 05.05.2017).
29. Бессонов В.А. *О динамике совокупной факторной производительности в российской переходной экономике*. Москва, ИЭПП, 2004. 66 с. Bessonov V.A. *O dinamike sovokupnoi faktornoj proizvoditel’nosti v rossiiskoi perekhodnoi ekonomike* [On Dynamics of Total Factor Productivity in the Russian Transition Economy]. Moscow, IEPP, 2004. 66 p.
30. Михеев В.В., Луконин С.А. Китай: новые тренды развития на рубеже 2015–2016 гг. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, том 60, № 6, сс. 24-34. [Mikheev V.V., Lukonin S.A. Kitai: novye trendy razvitiya na rubezhe 2015–2016 gg. [China: New Development Trends in 2015-2016]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 6, pp. 24-34.] DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-6-24-34
31. *IMF Members’ Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors*. Available at: <http://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx> (accessed 28.03.2017).
32. *International Bank for Reconstruction and Development Subscriptions and Voting Power of Member Countries*. Available at: <http://siteresources.worldbank.org/BODINT/Resources/278027-1215524804501/IBRDCountryVotingTable.pdf> (accessed 28.03.2017).
33. *Совместное строительство “Одного пояса, одного пути”: идея, практика и вклад Китая*. Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства “Одного пояса, одного пути” [Joint construction of “One belt, one road”: idea, practice and contribution of China. Office of the leading Working Group on promoting the construction of “One belt, one road” (In Russ.)] Пекин, Изд-во литературы на иностранных языках, май 2017. 75 с.
34. China Development Bank Overseas Loan Hits \$328.2 billion. *China Daily*, 16.12.2015. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-12/16/content_22727758.htm (accessed 28.03.2017).
35. In Partnership with China, US\$20 Billion Fund Will Finance Projects in Brazil. *BrazilGovNews*, 11.10.2016. Available at: <http://www.brazilgovnews.gov.br/news/2016/10/in-partnership-with-china-us-20-billion-fund-will-finance-projects-in-brazil> (accessed 28.03.2017).
36. China’s Growing Clout in International Economic Affairs. *The Economist*, 23.03.2017.
37. Exclusive: China’s ‘Big Four’ Banks Raise Billions for Belt and Road Deals – sources. *Reuters*, 22.08.2017. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-ccb-fundraising-idUSKCN1B20ER> (accessed 26.08.2017).
38. Chubarov I., Brooker D. Multiple Pathways to Global City Formation: A Functional Approach and Review of Recent Evidence in China. *Cities*, 2013, no. 35, pp. 181-189. DOI:10.1016/j.cities.2013.05.008
39. *Включение китайского юаня в корзину СДР поможет уйти от монополии доллара в мировой валютной системе* [The inclusion of the RMB in the SDR basket will help to get away from the monopoly of the USD in the global monetary system (In Russ.)]. Available at: http://russian.china.org.cn/international/txt/2016-10/01/content_39414265.htm (accessed 24.08.2017).
40. International Yuan Payment Drops Sharply in 2016 on Depreciation and Capital Control. *CNBC Finance*, 26.01.2017. Available at: <http://www.cnbc.com/2017/01/26/international-yuan-payment-drops-sharply-in-2016-on-depreciation-and-capital-control.html> (accessed 28.03.2017).
41. Построить финансовую кровеносную систему “Одного пояса и одного пути” [Build a Financial Blood System of One Belt and One Road (In Russ.)]. *Жэньминь Жибао*, 22.02.2017.
42. *RMB Cross-border Interbank Payment System (CIPS)*. Available at: https://www.mizuhobank.com/fin_info/cndb/rmb/pdf/cips.pdf (accessed 19.04.2017).
43. China’s Fight with Visa and MasterCard Goes Global. *Financial Times*, 24.04.2017. Available at: <https://www.ft.com/content/a67350fa-1f6f-11e7-11e7-a454-ab04428977f9> (accessed 24.08.2017).
44. Alipay vs WeChat Pay – Who is Winning the Battle? *ASEAN Today*, 28.02.2017. Available at: <https://www.aseantoday.com/2017/02/alipay-vs-wechat-pay-who-is-winning-the-battle/> (accessed 24.08.2017).
45. *2014 年来华留学调查报告 [Report on Foreign Students in China 2014 (In Chinese)]*. Available at: <http://www.eol.cn/html/1hlx/content.html> (accessed 24.03.2017).
46. *2015 年全国来华留学生数据发布 [Statistics Published on Foreign Students in China 2015 (In Chinese)]*. Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201604/t20160414_238263.html (accessed 24.03.2017).
47. *Великий китайский поход за иностранными студентами* [Great Chinese March for Foreign Student (In Russ.)] Available at: http://www.ng.ru/nauka/2015-10-28/11_china.html (accessed 05.04.2017).

48. 关于孔子学院课堂[Confucius Institutes and Classes (In Chinese).] Available at: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm (accessed 05.04.2017).
49. Михеев В., Луконин С. Китай после Боао – 2015. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 8, сс. 61-70. [Mikheev V., Lukonin S. Kitai posle Boao – 2015 [China after Boao – 2015]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 8, pp. 61-70.]
50. Kennedy S. The Myth of the Beijing Consensus. *Journal of Contemporary China*, 2010, vol. 19, no. 65, June, pp. 461-477. DOI:10.1080/10670561003666087
51. Liu Weidong, Dunford M. Inclusive Globalization: Unpacking China’s Belt and Road Initiative. *Area Development and Policy*, 2016, vol. 1, no. 3, pp. 1-18. DOI:10.1080/23792949.2016.1232598
52. Титаренко М.Л., Ломанов А. В. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы. *Проблемы Дальнего Востока*, 2015, № 3, сс. 17-27. [Titarenko M.L., Lomanov A. V. Politicheskie i kul’turnye aspekty strategii stanovleniya Kitaya kak velikoi derzhavy [Political and Cultural Aspects of the Strategy of China’s Emergence as a Great Power]. *Problemy Dal’nego Vostoka*, 2015, no. 3, pp.17-27.]
53. China Premier Li Keqiang: “Economic Openness Serves Everyone Better”. *Bloomberg Businessweek*, 26.01.2017. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-26/china-premier-li-keqiang-economic-openness-serves-everyone-better> (accessed 25.03.2017).
54. Economic Watch: Boao Forum to Rally Support for Globalization. *Xinhua*, 24.03.2017. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/2017-03/23/c_136152630.htm (accessed 25.03.2017).
55. Виноградов О. А. Асимметричный ответ, или стратегия Китая в глобальном мире. *Философские науки*, 2015, № 1, сс.116-134. [Vinogradov O. A. Asimmetrichnyi otvet, ili strategiya Kitaya v global’nom mire [Asymmetrical Response, or China’s Strategy in the Global World]. *Filosofskie nauki*, 2015, no. 1, pp. 116-134.]

BELT AND ROAD INITIATIVE: GLOBALIZATION CHINESE WAY?
(*World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 1, pp. 25-33)

Received 10.07.2017.

Ilya G. CHUBAROV (ilya.chubarov@gmail.com),
Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovskii Prosp., Moscow, 119997, Russian Federation,
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 29, Staromonetny Per., Moscow, 119017, Russian Federation.

Denis B. KALASHNIKOV (kalashnikov_d@yahoo.com),
MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Acknowledgments. The research was funded by the Russian Presidential Council for Support of Young Scientists (project МК-2007.2017.6).

The paper contributes to the growing body of the researches on Belt and Road Initiative (BRI) by adding center-periphery and global value chains (GVCs) dimensions to the concept. Being an essential part of China’s program for “great national revival by the 2049” (second of two so called Two Centenaries), BRI is de-facto a complex and wide-range plan that shows how China is going to upgrade its supply chains and develop a full range of core functions inside the world system. This is the first time that such economically large and politically independent state tries to lift itself up from semi-periphery to the core of the world economy. Five main aspects of BRI, namely policy coordination, facility connectivity, unimpeded trade, financial integration and people-to-people bond need to be understood as Chinese attempt to upgrade its position in GVCs. China needs cooperation with peripheral developing countries to fully realize its competitive advantages. Declining productivity of foreign TNC affiliations, emerging alternative channels of investment, active promotion of the free trade agenda, training the pool of foreign workforce and “inclusive globalization” as new ideological concept – all are elements of possible China-driven transformation of the whole world economy. China-led industrialization of developing countries is already changing spatial profile of many industries, and this will become the main factor of new stage of globalization. Whether the course to become successful depends on could Chinese “inclusive globalization” and BRI indeed serve the interest of people of developing nations and fight the global inequalities. This is the only way for China to become a truly core power. In this view, BRI is a longstanding megaproject to dramatically transform the world-system that is currently too closely bound to only one the political leader.

Keywords: China, globalization, BRI, One Belt, One Road, Silk road Economic belt, center-periphery, world system, global value chains, inclusive globalization.

About authors:

Ilya G. CHUBAROV. Cand. Sci. (Geogr.), Senior Researcher.

Denis B. KALASHNIKOV, Lecturer.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-25-33